

Автор настаивает, что все совпадения в книге случайны, хотя некоторые из них основаны на реальных событиях, происходивших в одном из самых мистических городов мира...

(От автора)

В моем окне на весь квартал
Обводный царствует канал...

(Н. Заболоцкий)

*Санкт-Петербург. Октябрь 1893 г.
Набережная Обводного канала*

П*ронизывающий холодный ветер, серый клочковатый туман — вечные спутники этого тусклого гиблого места, порядочные люди стороной обходят эту заводскую окраину города. Фабричные рабочие, мастеровые, извозчики, а также бродяги, пьяницы, сумасшедшие всех мастей находят себе приют на негостеприимных склонах Обводного канала, который местные называют не иначе как Канава.*

Сегодня на Канаве близ Можайской улицы вовсю кипела работа. Судорабочие разгружали тяжелую баржу, трудились в поте лица. Вдруг внимание одного из них — крупного рыжебородого здоровяка — привлек плывущий по волнам Канавы сверток.

— Смотри, Афанасич, смотри, кажись, плывет че-то! — ткнул он локтем, заросшим рыжими волосами, своего товарища.

— *Хде? — Утер пот со лба старой тряпницей
высокий худой мужик.*

— *Да вона, смотри! — показал на сверток
рыжий.*

— *Че-то есть! — поддакнул третий рабочий.*

*И вот уже все рабочие забросили баржу, пы-
таясь рассмотреть странную находку.*

— *А может, тама клад плывет?! Или еще
чаво стоящего? — запрыгал на месте от нетер-
пения рыжий.*

Афанасич с сомнением покачал головой.

— *Да ну, Ванька, какой тута клад может
быть? Скорее всего, котов потопили или еще
чаво непотребного!*

*Эх, знал бы Афанасич, какого рода непо-
требности покоятся в этом свертке, они бы ни
в жизнь его не вытащили. Но судьба распоря-
дилась иначе, и, поднатужившись, измазавшись
в грязной топи Обводной Канавы, рыжий Вань-
ка все-таки вытащил из воды сверток.*

*Все рабочие столпились возле него, разгля-
дывая находку.*

*Сверток был небольшой, несколько аршинов
в ширину, завернутый в грязно-синюю тряпицу,
на вес тоже не шибко тяжелый.*

*Ванька с осторожностью развязал его
и тут же еле смог сдержать оглушительный
крик. В грязно-синюю тряпицу было завернуто*

человеческое туловище без рук, без ног, без головы. Рыжий с горячностью выматерился, Афанасич принялсЯ неистово креститься.

*Петроград. Январь 1923 г.
Набережная Обводного канала*

— Как вы не понимаете, здесь нельзя строить! Это уникальный археологический объект, аналогов этому нет в мире! — Историк Латынин потряс сжатыми в кулаке очками перед лицом прораба Дубенко.

— Ты это... мне тут саботаж не разводи! У меня сроки горят! Теплотрасса для города нужна! А ты мне препятствия чинишь, мать вашу за ногу! — зарычал на него прораб.

— Но это же сенсация, важное историческое открытие, надо все изучить, исследовать! — горячо воскликнул Глеб Васильевич Латынин.

— Ой, да что ты понимаешь! Подумаешь, пару камней откопали, да еще кости старые! И вообще — это ваши буржуазные предрассудки! Для советского общества теплотрасса важнее, чем старые камни!

— Но это же история. Археологический объект! Нельзя же все порушить! — Глеб Ва-

сильевич устало прислонился к камням на набережной. — Нельзя так, там захоронения...

— Захоронения! А у меня план, у меня рабочие, мне на твои древние кости начхать! Тоже мне ценности, мать вашу! И вообще, история у нас началась с семнадцатого года, с Революции. Остальное — все царские прихвостни вроде тебя только надумывают. А будешь мне чинить препятствия, я заявлю на тебя куда следует, — понизив голос, прошипел на ухо Латынину прораб. — Ты понял меня?

— Но это капище, точнее захоронение одиннадцатого — двенадцатого века, скорее всего, имеет скандинавское происхождение, и вы не имеете права... — Ученый принялся внимательно разглядывать каменные плиты, которые откопали рабочие при строительстве теплотрассы. — Это уникальная находка, надо изучить эти надписи, возможно, это поможет...

— Я знаю, что тебе поможет. Василь, иди сюда. — Дубенко поманил рослого детину. — Проводи этого товарища и смотри, чтобы я его здесь и близко не видел.

— Но тут останки древних людей, это археологическая древность, — пытался протестовать Латынин, пока его отволакивали от вырытого раскопа.

— Там древние люди, они давно мертвы, а мне живых кормить надо и план выпол-

нить, — заорал на него Дубенко, прибавив несколько ярких матерных выражений. — И вообще, глядь сюда, профессура. — Прораб вскочил на центральный камень, весь испещренный загадочными символами, и принялся танцевать на нем чечетку. Под звучный смех рабочих он принялся подкидывать в руках гладкий череп с бездонными провалами глазниц, под конец пнул его ногой, зафутболив в воды канала. Как только череп коснулся воды, небо над каналом почернело, яркая вспышка озарила небо, и все присутствующие невольно поежились.

Глеб Латынин с ужасом наблюдал, как новая красная школа обращается с уникальными историческими находками. А Игнат Дубенко почернел лицом, ему на секунду показалось, что, прежде чем череп долетел до вод Обводного канала, он послал ему ослепительную улыбку, и даже, казалось бы, послышался громкий жуткий хохот.

Санкт-Петербург. Октябрь 1893 г.

Меблированные комнаты на реке Мойке

— Глашенька, любезная вы моя, далеке ли завтрак мой? — Аристарх Венедиктович с тоской и обреченностью в глазах заглянул на кухню, где вовсю шли приготовления к трапезе. —

Ну, рябчиков что-то дюже захотелось или хоть буженинки томленной! — поднял на служанку глаза господин Свистунов.

Глафира, колдовавшая над плитой, недовольно кивнула хозяину.

— Аристарх Венедиктович, побойтесь бога, вам же доктор Аркадий Семенович предельно ясно сказал, все объяснил, вам нельзя никаких рябчиков, тем более буженины! — всплеснула она руками. — У вас сердце слабое, доктор вас на специальный рацион посадил. Кашку манную я вам сварила, — схватилась она за тарелку.

— Ну Глашенька, ну какая кашка! Что ты в самом деле! — надулся Свистунов. — На манке у меня сердце само не выдержит, — капризно надул он губы.

— Аркадий Семенович крепко-накрепко приказал мне не поддаваться на ваши просьбы и провокации, это же ради вашего здоровья, Аристарх Венедиктович. — Глаша положила кашу в тарелку, но, увидев умоляющий взгляд хозяина, добавила кусочек сливочного масла.

— Аркадий Семенович приказал, — передразнил он горничную. — Вообще-то я твой хозяин, а не доктор Бодрин, — вяло ковыряясь в каше, добавил Свистунов. — Вот помру я от каши манной, вам всем стыдно будет!

— От моей каши еще никто не умирал, а доктор Бодрин сказал, что вам обязательно нужно скинуть... ммм... ну несколько фунтов точно, — критически оценила дородную фигуру Свистунова Глафира.

Честно говоря, Аристарху Венедиктовичу следовало бы скинуть гораздо больше, чем несколько фунтов, но обижать хозяина Глафира совсем не хотела. Несмотря на все их трения, Свистунов в глубине души был неплохим человеком.

— Не ценишь ты меня, Глашка. — Свистунов намазывал огромным куском масла белый рассыпчатый хлеб. — И доктор твой Бодрин тоже меня не ценит.

Глаша неодобрительно покачала головой, рассматривая толстенный бутерброд с жирным маслом, но не отбирать же его силой у хозяина.

— Доктор Бодрин совсем не мой — это во-первых, а во-вторых, Аристарх Венедиктович, вы сами вспомните, как вам плохо стало на прошлой неделе, как сердечко прихватило. Аркадий Семенович сказал, это из-за того, что слишком много жирного и сладкого вы едите.

— Ой, много понимает твой Аркадий Семенович, мне плохо стало из-за прошлого расследования, а мне для важной мыслительной работы сладкое позарез нужно. — Свистунов показал жест ножом по горлу. — Сахар активизирует работу

мозга вообще-то, но ты, милая, об этом не знаешь, научных журналов не читаешь, просвещаться не желаешь, только с кастрюлями тут топчешься, да еще меня, меня — самого лучшего сыщика Санкт-Петербурга — куском хлеба... с маслом... попрекаешь, — откусывая огромный кусок бутерброда, заедая все манной кашей, заявил Свистунов.

— Я? Попрекаю? — Глафира аж опешила от несправедливых обвинений. — Да как вы можете? Да ни в жизнь! Да я! — Она закрывала и открывала рот от удивления.

«Вот и помогай после того этому толстому увальню!» — подумала горничная.

— И вообще, Глашенька, подай мне медицинский справочник с верхней полки, да-да, этот. Вот послушай и запомни, может, еще в жизни пригодится: «Причины остановки сердца и болезни сердца являются сердечная недостаточность, пороки сердца, различные виды аритмии, кардиомиопатии (поражения сердечной мышцы), а также хронический алкоголизм или употребление наркотических или лекарственных средств». Запомнила, Глаша? Про сладкое и жирное тут ничего не сказано! Вот так! — Поднял он вверх пухлый палец.

Глафира улыбнулась и покачала головой.

Аристарх Венедиктович отложил медицинский справочник, поерзал на месте, потом

с трудом поднял свои внушительные телеса и полез в угловой буфет, где хранились продукты, достал большой шматок сала и, даже не разрезая его, впился в него зубами.

Глафира только хлопала глазами. Вот и первый день рациона здоровья — сало с жирным маслом, зря она тут манку варила все утро!

Она открыла рот, чтобы напомнить заветы кардиолога, но сказать ничего не успела — дверной колокольчик оповестил о прибывшем госте.

— Глашенька, ты кого-то ждешь? — приглаживая заляпанное маслом усы, спросил Свистунов.

Девушка отрицательно покачала головой.

— Тогда это, наверное, клиенты. Веди их сразу в мой кабинет, а я сейчас подойду, — догрызая кусок сала, заявил самый лучший сыщик Санкт-Петербурга.

Глафира кивнула и отправилась открывать дверь.

*Петроград. Октябрь 1923 г.
Набережная Обводного канала.
Близ Боровского моста*

— Что им, дуракам таким, топиться, что ли, больше нигде? — ворчал милиционер Спицын, вынужденный патрулировать выделенный ему участок моста.

— Значит, негде, — кивнул озябший напарник, младший сержант Александр Ильин.

— Знаешь, Сашка, я вот действительно не понимаю, почему именно на этой набережной у самоубийц со всего Петрограда свет клином сошелся. Зачем ехать с другого конца города, чтобы именно здесь утопиться? — вполголоса размышлял Спицын.

— Георгий Палыч, я слышал, что тут вообще место нехорошее, проклятое, и потому самоубийц так сюда тянет, — поплотнее закутался в шинель сержант.

— Ясное дело, нехорошее. Тут за полгода больше семидесяти человек в речку попрыгали, вот же ж. Наше отделение скоро за плохие показатели лишится Красного Знамени. Нет, блин, козлы такие, не в Мойку, не в Фонтанку, все сюда бегут топиться! — ругался Спицын.

— Семьдесят человек — это же много, — покачал чубатой головой Ильин.

— Конечно, много, причем это только официальные данные, а сколько их тут на дне неучтенных лежит, это мы никогда не узнаем. — Капитан закурил папиросу. — Ты слышал, Сашок, в прошлую смену наш Степан Сергеич и Олег Палыч даже одному такому

самоубийце накостиляли по шее. Чтобы это... не в их смену топился. Вот что такое делается!

Сашка неопределенно кивнул, не нравилось ему это место, совсем не нравилось. И предчувствие какое-то странное. Но тут внимание парня привлек высокий человек в темном плаще, медленно бредущий по мосту. Его качало из стороны в сторону, но на пьяного он не был похож, выглядел так, как будто кто-то невидимый тащит его силой по набережной.

— Ой, смотрите, Георгий Палыч, кажись, идет кто-то, вон к мосту, наклоняется вроде. Наш клиент! Топиться хочет! — закричал младший сержант.

— Беги, Сашка! Беги! Лови его!

Милиціонеры побежали к темной фигуре, склонившейся к перилам Боровского моста. Еще бы секунда, и человек полетел в пропасть, но младший сержант Ильин оказался быстрее, в последний миг он налетел на неудавшегося самоубийцу, накрыл его своим телом и пытался удержать его брыкающиеся конечности.

— Георгий Палыч, я поймал, держу!

— Молодец, Сашка. Я о тебе в рапорте напишу, держи его! — запыхавшийся Спицын

подбежал к молодому напарнику. — Товарищ, что это вы тут делаете?

— Что? Кто? Я?! Вы кто? Встаньте с меня! — Глаза мужчины наконец-то приняли осмысленное выражение. — Вы вообще кто и по какому праву... — осоловело мотал он головой.

— Как ваша фамилия, товарищ? — отрянул мокрую шинель Спицын.

— Да я на вас жаловаться буду, вы знаете, кто я такой! Да я в ЦК партии, да я лично с товарищем Ждановым знаком! — Мужчина с трудом встал с мокрого тротуара, с удивлением разглядывая милиционеров. Казалось, он на самом деле не понимает, как он здесь очутился и что с ним произошло. — Я на вас точно жаловаться буду за самоуправство, — проворчал он.

— Вы зачем в речку прыгали? Мы вас спасли вообще-то, — немного обиженно протянул младший сержант Ильин. — А он сразу жаловаться.

— Еще раз повторяю, ваша фамилия? — повысил голос капитан Спицын.

— Вот мои документы, меня зовут Игнатий Степанович Семибогатов. — Мужчина полез в карман плаща за бумагами.

— И зачем же вы, Игнатий Степанович, с моста прыгать решили? Чем наша советская жизнь вас не устраивает, что вы хотели с ней покончить? — изучая документы, спросил Георгий Павлович.

— Меня? Не устраивает? Да вы что, товарищи! Да как вы можете! У меня важный пост в ЦК, жена-красавица, квартира на проспекте Октября, чего это я с моста прыгать буду! Меня моя жизнь вполне устраивает! — с вызовом произнес Семибогатов.

— Так мы вас еле спасли, еще чуток — и вы бы в воде оказались, в Обводном, — кивнул на мост сержант.

— Вам показалось, я никуда не прыгал и не собираюсь. Глупости какие!

Младший сержант Ильин вспомнил, с каким странным выражением лица мужчины буквально пару минут назад с пеной у рта дрыгался тут на набережной, и только чудо в лице младшего сержанта Александра Гавриловича Ильина спасло его от неминуемой гибели. Вспомнил милиционер и странный зеленоватый туман, клубившийся над водой. Однако, судя по всему, сам Семибогатов ничего этого не помнил.

— Но вы же... — У Александра даже не нашлось слов, но старший по званию перебил его:

— Так, все понятно. — Спицын вернул документы потерпевшему. — Игнатий Степанович, вам придется пройти с нами, написать объяснительную, что вы делали в этот час на набережной Обводного канала и что вас побудило прыгать с моста, — твердо припечатал капитан.

— Но я не прыгал, мне незачем это делать, — заныл Игнатий Степанович.

— Пройдемте-пройдемте, в отделении разберемся, — вежливо подхватил его под белые ручки младший сержант Ильин.

Санкт-Петербург. Октябрь 1893 г.

Меблированные комнаты на реке Мойке

На крыльце дома как мраморные статуи застыли две дамы: одна в длинном двубортном плаще и светлой шляпе с огромными полями, почти полностью закрывающими лицо, другая одета попроще, можно даже сказать, бедно, весьма бедно одета — замызганный тулупчик, темный платок, накинутый на плечи. Но она не выглядела как служанка первой дамы, было видно, что обе прибыли вместе, на одинаковых условиях.

Глафира поклонилась в дверях и поинтересовалась целью визита.

— *Здесь проживает сыщик Свистунов? — приподняла полы шляпы высокая дама. Та, что в тулупчике, неопределенно хмыкнула носом.*

— *Да, здесь проживают, вы договаривались о встрече?*

— *Нет, но я... — начала высокая, но девушка в платочке вдруг резко опустилась на землю, прямо на грязную мостовую, и зарыдала, обращаясь к Глаше:*

— *Девушка, милая, не гоните нас, пусть твой хозяин примет, очень прошу, Христом Богом молю, — заголосила она, пытаясь ухватить Глафиру за руку.*

Та попыталась поднять с земли девушку, и вместе с высокой дамой им удалось это сделать.

— *Хорошо-хорошо, не плачьте, Аристарх Венедиктович примет вас, обязательно примет, — отряхивая ее еще больше запачканный тулупчик, приговаривала Глафира. Ей было очень жаль гостью, видно было, у нее что-то серьезное случилось.*

— *Анфиса, не дури, не позорь нас, — громко зашипела девушке на ухо высокая дама.*

Та сразу сникла, опустила глаза в пол.

Глафира обратила внимание, что Анфиса была хоть и бледна и необычайно худа, но

весьма миловидна, а если ее хорошо приодеть и причесать, то выглядела бы красавицей, чем разительно отличалась от своей подруги. Та обладала черными, колючими, торчащими во все стороны волосами, которые не могла обуздать даже дорогая шляпка, длинным носом, глазами навывкате и тонкими поджатými губами.

Постоянно кланяясь, Анфиса во весь голос рыдала, но все же с трудом ее завели в кабинет Аристарха Венедиктовича. Глафира предложила гостям присесть на диванчик и подождать сыщика, который появился вскоре, как сытый кот, облизываясь на ходу.

«Значит, буженину он тоже отыскал. Сыщик же!» — подумала про себя Глаша.

— Дамы, доброе утро. Я Аристарх Венедиктович Свистунов — лучший сыщик Санкт-Петербурга и окрестностей. Что вас привело ко мне? — усаживаясь на мягкое кожаное кресло и благосклонно улыбаясь, спросил хозяин.

«Стоит ему поестъ, как настроение улучшается!» — сделала для себя вывод Глафира.

Только увидев детектива, Анфиса снова грохнулась наземь и залилась горячими слезами, чем весьма смутила Аристарха Венедиктовича. От неожиданности его лицо вытянулось, и он

топтался возле девушки, не зная, что предпринять в такой ситуации.

Анфиса билась лбом об пол и голосила, моля Свистунова помочь ей, спасти ее, спасти ее деток малолетних. Рядом скакала высокая дама, путаясь в длинной юбке, пыталась поднять с ковра рыдающую подругу.

Свистунов глубоко вздохнул, вытащил из кармана сюртука служебный свисток и со всех сил дунул в него. Оглушающий звук мгновенно отрезвил всю компанию. На секунду наступила долгожданная тишина.

— Дамы, немедленно все успокойтесь, присаживайтесь на диван и наконец-то расскажите, кто вы такие и что вам от меня надобно, — повысил голос Свистунов.

Женщины как по команде шлепнулись на диванчик.

Лицо Анфисы снова скривилось в гримасе горести, но Аристарх Венедиктович покачал головой, насупил брови.

— Если вы снова будете тут юродствовать и выть, аки собаки бешеные, я попрошу вас удалиться! — пригрозил он.

Анфиса мгновенно затихла, спрятала красное заплаканное лицо в темный платок и застыла, боясь даже дышать.

Дама в шляпке вытащила из сумочки металлическую флягу и передала подруге.

— Вот, Фиска, выпей чаек, успокойся, не реви тут! — припечатала она, а потом глухим резким голосом обратилась к сыщику: — Аристарх Венедиктович, простите, ради бога, мою подругу. Анфиса тяжело переживает личную трагедию и не может себя контролировать. Мы вас с трудом нашли, очень хотели бы...

Но Аристарх Венедиктович перебил ее пламенную речь, с неудовольствием разглядывая бедный наряд посетительниц:

— Извините меня, не знаю вас по имени-отчеству, но я вам, к сожалению, помочь не могу, мои услуги стоят весьма дорого, — покопился он на драный тулупчик и грязные сапожки Анфисы. — Ко мне обращаются такие важные люди. И детективной благотворительностью я не занимаюсь, бесплатно не работаю. Извините еще раз и до свидания! — сказал он как припечатал.

Быстро взглянул на тоже замершую на месте Глафиру. Дескать, кого ты в дом привела?

Анфиса при этих словах сделала большой глоток из фляги, скривилась, еще пуще побледнела, прижала руки к груди, затряслась, но удивительно спокойно достала из кармана дранного тулупа грязную тряпицу, развязала ее. Госпо-

дин Свистунов с трудом сдержал возглас удивления — на грязной ладошке девушки лежала красивая брошь, украшенная драгоценными камнями. То, что это были не стекляшки, а драгоценности, было понятно сразу, изумруды и сапфиры, расположенные по краям броши, были столь ослепительны и безупречны, что не поверить в их истинность было невозможно.

— Что это? — с трудом оторвал взгляд от подобного чуда Аристарх Венедиктович.

— Вы не думайте, что мы так... просто так... обращаемся, — шмыгнула носом Анфиса. — Мне Аринка, — кивнула она на высокую даму, — рассказала, что вы дорого за прием берете. — Она сделала еще глоток чая. — Так я... это... эта фамильная брошь у нас в семье из поколения в поколение передавалась... она дорогущая сильно... Чес-слово, дорогущая, — прижала она руки к груди, — я узнавала. Так вот... я ее вам отдам, только помогите в моем деле... — Снова слезы скатились по щеке. — Мне бабка моя, она из благородных была, завещала, что когда прямо беда придет в мой дом, то тогда брошка мне поможет. Брошь ваша за работу, только спасите меня и деток малых, — зарыдала девушка, протягивая сыщику драгоценность.

Двумя пальцами, словно невиданное насекомое, Аристарх Венедиктович принял брошь, вы-

тащил из ящика письменного стола лупу и принялся сосредоточенно разглядывать украшение.

Гости застыли на месте, боясь даже дышать.

Через несколько минут, налюбовавшись на сокровище, Свистунов вынес свой вердикт:

— Хорошо, дамы, я вас слушаю. Как я могу вам помочь? Что у вас произошло?

Арина в широкополой шляпке плотоядно улыбнулась, но быстро ответила:

— Анфисе нашей грозит каторга за жестокое убийство и расчленение родного мужа. Просим вас доказать, что она этого не делала.

— Не губите живую душу, у меня четверо деток маленьких! — Анфиса снова грохнулась на ковер.

*Петроград. Октябрь 1923 г.
Городская Барачная больница*

Младший сержант Ильин устало смахнул пот со лба. Почти через весь город добирался он сюда, таща за собой Игнатия Семибогатова. После плодотворной беседы в отделении решено было отвести Игнатия Степановича сюда — в городскую Барачную больницу, так как член партии, лично знакомый с самим товарищем Ждановым, первым секретарем Пе-

троградского обкома и горкома ВКП(б), не мог объяснить, с чего он вдруг решил искупаться в холодных водах Обводного канала в октябре месяце. Он совсем не помнил ничего до того момента, как на него накинута милиционер Александр Ильин. Хватался за голову, нес какую-то чушь про зеленоватый туман и голоса в голове. По единоличному решению майора Хвостова было приказано отправить Игнатия Степановича в городскую больницу, показать его врачам, чтобы те разобрались в хитросплетениях его затуманенного сознания.

Конечно, подобную операцию по перевозке пострадавшего в больницу доверили самому молодому сотруднику — младшему сержанту Ильину, и, хоть всю дорогу Саша с недоверием и сомнением косился на немного чокнутого Семибогатова, тот вел себя примерно, только иногда что-то бормотал себе под нос, недовольно косясь на милиционера.

— Молодой человек, я все-таки буду на вас жаловаться, — снова, уже в двадцатый раз, устало повторил Игнатий Степанович. — Вы зачем меня сюда притащили?

— Затем, — вяло огрызнулся Александр. — Начальство приказало, вот и притащил. Пусть

доктор вас проверит, ну, голову там... или еще чаво?

— А что с моей головой? — испуганно ойкнул партийный работник.

— Вот доктор вам и скажет, что с вами. Пойдемте-пойдемте, — буквально силой тащил его младший сержант.

В приемном покое их попросили подождать, и через пару минут к ним буквально выбежал низенький старичок с гладкой лысой головой, на которой смешно топорщилась белая медицинская шапочка.

— Вы ко мне, молодой человек? Я вас уже давно жду. Доктор Ефимов Иван Данилович собственной персоной, — чинно представился он. — Полчаса назад из вашего отделения звонили. Проходите-проходите. Любочка, оформи медкарту товарищу.

Любочка, молоденькая черноволосая сестричка, быстро заполнила необходимые документы. Ефимов завел в свой кабинет мгновенно успокоившегося Семибогатова, и младший сержант уже готов был под шумок сбежать из Боткинских барачков — запах медикаментов и нечеловеческой боли просто витал в воздухе, проникал в каждую клеточку тела, — но тут медсестра Любочка его удивила.

— Что, и этого тоже с Обводного выловили? Сейчас начнет про русалок сказки сочинять и про зеленый туман! — лукаво ухмыльнулась девушка.

— Про кого? Какие такие русалки? — Саша нахмурился. Он сам прекрасно помнил зеленоватый туман, который клубился над водой Обводного канала.

*Санкт-Петербург. Октябрь 1893 г.
Сыскная полиция*

Ротмистра Казимира Евграфьевича Жилина весьма заинтересовала пугающая находка в Обводном канале. Мужское туловище без рук, ног и головы сразу было передано в прозекторскую Обуховской больницы. Может быть, по останкам тела удастся установить личность убитого. Но места в районе Канавы были беспокойные. Грабежи, разбои, пьяные драки случались на берегах канала постоянно, но ранее никогда из воды не доставали такие пугающие фрагменты тел.

Казимир Евграфьевич задумался: много лет он занимал свой пост, всегда об Обводном шла нелестная слава, но если какой лиходимец задумал тепереча здесь людей четвертовать и в канал скидывать, то что же далее будет? Вон

уже и вездесущие газетчики постарались, раскопали сенсацию.

На первой странице «Петербургского листка» красовалась огромная статья, где журналисты дали волю своей незаурядной фантазии и всю строили гипотезы, кем при жизни был «петербургский чурбанчик», как нелестно окрестили останки тела газетчики. А далее Самописцев Л. В., автор статьи, рассуждает о связи этого убийства с жутким делом Джека-потрошителя, деяния которого захлестнули Лондон.

«Мог ли серийный убийца с туманного Альбиона перебраться в нашу Северную столицу?» — спрашивает у своих читателей Самописцев Л. В. и продолжает задавать убийственные вопросы: «Когда же ждать новую жертву?»

Отбросив, как ядовитую змею, «Петербургский листок», Казимир Евграфьевич забарабанил пальцами по столу, раздумывая над следующими сыскными действиями.

Судовых рабочих, нашедших сверток, допросили в тот же день. Никто ничего не видел, не слышал, фрагменты тела ранее не видели, и, кому они принадлежат, рабочие не знают.

Сразу же были отправлены филеры и шпики, чтобы те обшарили оба берега Обводного канала, опросили тамошнюю полицию и нашли слу-

чайных свидетелей. Но и здесь ничего толкового не было обнаружено.

Ротмистр Жилин провел заседание сотрудников сыскного отдела, чтобы те проверили все ночлежные дома, трактиры, дома терпимости, чайные, послушали, что говорят местные, может, кто-то был свидетелем всякого рода непотребства. Были проведены облавы во всех значных района города. Семенцы, Сенная площадь, Ямские слободы, Апраксашка — всех подняли на ноги, задержали более сотни подозрительных субъектов, по горячим следам раскрыли несколько мелких и средних правонарушений, но убийцу «чурбанчика» не нашли.

Казимир Евграфьевич тяжело вздохнул: как бы это дело не переключалось в разряд нераскрытых... Но тут без стука в кабинет влетел, на ходу пытаясь отдышаться, капитан Железнов.

— Казимир Евграфьевич, там это... — тяжело дыша, начал он.

— Что это? — вскинул брови начальник. — Не томи!

— Там это... на Финке... на южной стороне... в воде голову нашли! — выпалил Семен Железнов.

— Голову? Какую еще голову?! — взъярился Жилин.

— *Ту самую голову, судмедэксперты говорят, что голова как раз отлично подходит к нашему «чурбанчику»!* — *глухим голосом ответил Железнов.*

Казимир Евграфьевич подскочил со стула и сцепился в свою собственную голову — страшная мозаика начала складываться!

*Петроград. Октябрь 1923 г.
Городская Барачная больница*

— Итак, мил человек, рассказывайте. Я вас внимательно слушаю, — усадив пациента в удобное кресло, а сам расположившись рядом, попросил доктор Иван Данилович Ефимов.

— А что рассказывать-то? — набычившись, уставился исподлобья на эскулапа Игнатий Семибогатов.

— Рассказывайте с самого начала, что вы делали на Обводном канале?

— Я шел по своим делам: Люсенька, жена моя, просила сегодня зайти к модистке, оплатить материал на какую-то там тряпку модную. Не помню я, что конкретно, — устало потер виски Игнатий. — Но я немного заплутал, ту часть города я совсем не знаю, какие-то закоулки, переулки, черт ногу сломит.

— Нет, про черта тут не надо, — неопределенно покачал головой доктор. — А далее что?

— А далее... — Игнатий Степанович задумался, внимательно разглядывая цветной ковер на полу в кабинете доктора. — А далее... я не помню, — наконец ответил он, пожав плечами.

— Совсем ничего не помните? — обнадеживающе обратился к нему Иван Данилович.

— Помню, что оказался на мосту... Ну, на Боровском мосту, мне потом милиционеры объяснили, как он называется. Потом у меня сразу голова заболела, такой, знаете, шум в ушах... — принялся припоминать Семибогатов.

— А раньше у вас так же голова болела? Вы наблюдаетесь у другого доктора?

— Нет, со здоровьем, тьфу-тьфу, не было ранее проблем, — отрицательно замотал головой Игнатий Степанович.

— А сейчас как вы себя чувствуете? Что-то болит? — Доктор Ефимов подошел к пациенту, принялся проверять его пульс и заглядывать в глаза.

— Да нет, сейчас все нормально.

— Хорошо, вспоминайте далее — у вас заболела голова, шум в ушах. Я вас внимательно слушаю.

Семибогатов поерзал на месте, побледнел, снова отрицательно покачал головой.

— Больше ничего не помню! Точно, не помню! — с вымученной улыбкой ответил он.

Доктор встал с места и принялся ходить кругами по кабинету, сложив пухленькие ручки за спиной.

— Вы сейчас меня обманываете, Игнатий Степанович, — не поворачиваясь к пациенту, сообщил он.

При этих словах Семибогатов снова мертво побледнел.

— Если вы не сказали всей правды милиционерам, это не значит, что вы должны обманывать и меня здесь.

— Я не понимаю, о чем вы... — еле слышным голосом залепетал Игнатий Степанович. — Вы знаете, кто я? Да я...

Иван Данилович снова сел на свое место и принялся внимательно разглядывать пациента, он долго молча смотрел на него, Семибогатов прятал глаза и ерзал на месте. Наконец доктор тяжело вздохнул и продолжил:

— Я прекрасно знаю, кто вы такой, Игнатий Степанович. Мне уже об этом сообщили. Хорошо, давайте сделаем так, я не буду вас пытаться — если вы ничего не помните, если у вас провалы в памяти, то придется поло-

жить вас в наше психиатрическое отделение, полежите пару неделек, попьете таблеточки, поделаем вам укольчики, — спокойно ответил он.

— А без этого никак? — вспыхнули щеки у Семибогатова.

— Без этого никак, придется еще на вашу работу сообщить, в ЦК партии. Я не могу скрывать от советского правительства, что в ЦК работает товарищ с провалами памяти, а вдруг вам хуже станет на работе? Нет, без уколов тут никак!

— Но я... Мне уже лучше, я хорошо себя чувствую! — подпрыгнул с места Игнатий Степанович.

— Присядьте, пожалуйста, не заставляйте меня принимать меры, — твердо заявил доктор.

Семибогатов снова плюхнулся на стул.

— Если вы сейчас хорошо себя чувствуете, это не значит, что завтра с вами приступ не случится. А шоковая терапия хорошо лечит подобные состояния. У нас в третьем психиатрическом отделении никто не жалуется, — сложил руки на животе доктор Ефимов.

Семибогатов вздохнул:

— Хорошо, я вас понял. Что вы хотите от меня?

— Только одно, чтобы вы рассказали мне правду! Что вы там увидели? В водах Обводного? Что вам говорили голоса в голове? — Доктор подался вперед.

— Если вам я скажу правду, меня действительно в психушку упрячете, — недовольно буркнул пациент Семибогатов.

— Во-первых, я и так практически знаю, о чем вы мне расскажете. — Доктор достал из ящика стола коричневую папку с бумагами. — Вот, здесь свидетельства всех выловленных из Обводного самоубийц. Тех, кому повезло. И кто выжил, увидев бездну. Ваш рассказ будет одним из десятка.

Лицо Игнатия Степановича вытянулось.

— Да-да, и про бездну, и про зеленый туман, и про русалок я уже слышал не раз.

Семибогатов сглотнул, а потом тихо спросил:

— Если я вам расскажу правду, вы на работу сообщать не будете? Меня из партии не попрут?

— Если вы расскажете мне правду, которую я и так приблизительно знаю, ваши бумаги будут в этой папочке. Я вам выпишу обезболивающее для головы, и придется вам в течение недели походить ко мне на прием — для разговоров. Новый метод психиатрии —

австрийский психоанализ, — блеснул очками доктор Ефимов.

Семибогатов кивнул.

— И, самое главное, никогда больше не приближайтесь к набережной Обводного канала, особенно в вечернее время.

Семибогатов снова кивнул.

— Итак, что вы там увидели? На дне бездны?

Санкт-Петербург. Октябрь 1893 г.

Меблированные комнаты на реке Мойке

После слов Арины Витальевны в кабинете повисла тишина. Сыщик Свистунов перестал разглядывать драгоценную старинную брошь и впервые с удивлением, но больше с еле скрываемым раздражением впился глазами в новопробретенных клиентов.

— Попрошу вас изъясниться, дамы. Какая еще каторга? За какие такие преступления вам каторга светит, уважаемая... мм... Анфиса... не знаю, как по батюшке... — потер усы Аристарх Венедиктович.

— Анфиса Семеновна Савицкая, — не поднимая глаз, ответила девушка, шмыгнув носом, — и Арина Витальевна Калашникова, это моя подруга, — кивнула она на высокую даму, — она вам правду сказала, мне в скором будущем грозит

каторга. Но я мужа не убивала, Христом Богом молю, — опять начала она, но Свистунов довольно грубо ее перебил:

— Так, это я уже слышал. Если хотите, чтобы я вам помог, то с самого начала, не рыдая, не воя, не валяясь в ногах, все мне нормально расскажите. — При этих словах он обращался больше к Арине Витальевне, видя в ней более адекватного персонажа. — И вообще, если вас ждет суд, то советую за эти деньги лучше нанять хорошего адвоката, я вам могу посоветовать...

Арина Калашникова резко поднялась с кресла:

— Вот, и я ей то же самое говорю. Адвокат этой дурочке нужен, а она вбила себе в голову, что если вы найдете настоящего преступника, то с нее все обвинения снимут. Про вас в городе много хорошего говорят, вот мы к вам и пришли, — зачастила она.

Савицкая только кивала со своего места, печально размазывая слезы по щекам.

— Так, понятно. Давайте с самого начала — кто у вас муж, когда и как его убили и почему обвиняют в его гибели Анфису Семеновну? — важно подбоченившись, спросил Свистунов.

Арина кивнула, полезла в сумочку и вытащила на свет газетный листок с обведенной красным карандашом статьей.

— *Вот, почитайте, полюбуйтесь!* — положила она газету перед Свистуновым.

Тот снова солидно кивнул, нацепил на нос круглые очки для чтения и углубился в статью.

— *Так-с... «Петербургский листок»... Занятно... весьма занятно... ммм... чурбанчик... Однако ж... А вот и продолжение статьи... Еще найдены голова и отрубленные ступни ног... В разных частях Обводного канала... Занятно...*

Прочитав газетную заметку, Аристарх Венедиктович медленно и вальяжно принялся постукивать карандашом по столешнице, дамы сидели молча на своих местах. Наконец-то он оторвался от своих размышлений и обратился к Анфисе Семеновне:

— *Я так понимаю, что найденные в Обводном канале фрагменты тела принадлежат вашему супругу? Как его звали?*

— *Остап, — прошептала онемевшими губами Анфиса. — Остап Савицкий, мы проживали на набережной Обводного канала, в девяносто первом доме, там у нас комнатка есть, с детками маленькими живем... жили то есть...*

— *Когда вы видели своего мужа в последний раз живым? И расскажите о ваших с ним отношениях!*

— *Отношения, если честно, у нас были не очень. — Анфиса Семеновна задрала рукав ту-*

лупчика и показала череду синяков на руке. — Муж был очень груб, вспыльчив, мог и приложить меня. Хотя, знаете, когда мы только познакомились, то был очень хороший, добрый, а потом резко изменился, стал к бутылке прибавляться и меня обижать!

— Говори правду, Анфиса, как на исповеди, — влезла в разговор Арина Калашникова. — Дурак он был, тупица и пьяница буйный. Постоянно и Фиску избивал, и деток, никакой управы на него не было. Один раз по пьяни чуть не зашиб девоньку их, Марфу годовалую, так кнутом отходил, Фиска вон тоже на коленях стояла, дитяtko защищала. Дрянь был, а не человек. Остап этот пройдоха, — в сердцах сплонула она.

Анфиса молча сидела, боясь поднять глаза на сыщика.

— Так зачем же вы за него пошли, если он такой буйный был? Почему не ушли от него? — от души удивился Аристарх Венедиктович.

Анфиса изумленно уставилась на него, Калашникова громко расхохоталась, а Глафира, подслушивающая у двери, схватилась за голову: какой же дурак иногда у нее бывает хозяин!

Отсмеявшись, Арина ответила:

— *Вы изволите шутить? Куда ж она уйдет-то, кто ее отпустит? Вы что, не знаете, как простые русские бабы у нас живут? От постылого мужа, который и пьет, и бьет, есть только одна дорога!*

— *Куда? — снова глупо переспросил Свистунов.*

— *На кладбище одна дорога, — грубо ответила Арина Витальевна. — Или, если повезет, то можно вдовой стать. Так Остап, чтоб его черти там жарили, и с того света Фиске житья не дает! Тоже жизнь портит!*

— *Как это?*

— *А вот как! Анфису за убийство посадить могут!*

— *Это не я, не я! — затряслась на своем месте Анфиса.*

— *Так, опять мочало — начинай с начала! Как ваш Остап оказался в Обводном канале, кто его разрубил на куски и почему Анфису Семеновну подозревают? Я опять ничего не понимаю, — жалобно протянул сыщик Свистунов.*

— *Остап две недели дома не появлялся, в первых числах октября ушел в трактир на Можайке, а оттуда не вернулся. Места у нас на Обводке лихие, страшные люди живут, за полу-*

ику убить могут. Думали, подрался с кем или, может, в арестантской пьяный сидит, — принялась объяснять Арина.

— А потом бабы начали шушукаться, что в Канаве труп выловили без головы, а потом голову на Финском заливе, на Финке, нашли. Ну, что в Обуховской больнице, в покойницкой, опознание проводят, может, кто своего пропавшего найдет. Я боялась одна идти, мы с Аринкой в Обуховскую пошли. Я мертвецов страх как боюсь. А тут, смотрю, это Остапка мой, точно, лежит, и шрам на ноге левой, и морда тоже его, хотя такая образина стала... — в слезах уточнила Анфиса.

— То есть вы этот труп, «чурбанчик», опознали? — переспросил Аристарх Венедиктович.

— Опознала, документы все подписала, что надо было, в сыскной меня долго спрашивали, что да как. Как на духу все рассказала, и про трактир, и про Можайку, и что товарищ у него там был, Степка Коновал с Ямской улицы, что он с ним по трактирам ходил, пьянствовал.

— А дальше что было?

— А дальше — пару дней назад к Анфисе домой с обыском нагрянули, весь дом перевернули, деток напугали, — ответила за подругу Арина.

— А что искали? Не сказали?

— Сказать не сказали, но, судя по тому, как полы и половики рассматривали, то искали, скорее всего, пятна крови. Может, думали, что убивали и расчленили Остапку в квартире? Вот страх какой. — Арина Витальевна торпливо перекрестилась.

— Нашли чего? — Аристарх Венедиктович записывал информацию в свой блокнот.

— Чаво нашли — не сказали! — со своего места сказала Анфиса.

— Ну, так чего вам бояться каторги? — удивился Аристарх Венедиктович. — Если вы мужа не убивали, а при обыске ничего компрометирующего вас не найдено, то опасаться вам нечего! Или вы мне не все еще рассказали?

— Не совсем все! — побледнела Анфиса. — Есть юбка.

— Какая юбка?

— Моя юбка! — выкрикнула Анфиса.

— Что с ней, с юбкой? — Свистунов закатил глаза. Как же тяжело с бабами разговаривать!

— Давайте я объясню. Темно-синяя старая юбка, она принадлежала Анфисе, долго ее носила. Весь район видел.

— И что с юбкой-то наконец? — взъярился Аристарх Венедиктович и даже вытер пот со лба. Они что, издеваются над ним?